Дорогой Константин Георгиевич!

Я всегда любил и люблю Вас, как человека отзывчивого, тонкого, мягкого, чистого и прямого в отношениях к людям. Любил и люблю я Ваше творчество — творчество писателя со своим характерным почерком, наблюдательного, смелого, остроумного и вместе с тем задушевного. Я разделял и разделяю с Вами влюбленность в хорошие человеческие черты и в красоту родной природы.

Но меня не раз удивляло и огорчало то, что, полагаясь на свою в самом деле изумительную, но не всегда точную память, Вы подчас небрежно обращаетесь с именами, фактами, цитатами. В своих повестях и рассказах биографического и автобиографического характера Вы иногда допускаете искажения истины, которые ничего общего не имеют с творческим домыслом. Встречаются у Вас, к сожалению, промахи, прямо повергающие в недоумение.

Два небольших примера.

Рассказ Ваш «Старый челн» начинается с описания грозного утра, которое наблюдают пассажиры остановившегося в пути поезда.

«Наташа высунулась из окна. От высокой насыпи до самого горизонта тянулся лес. Над ним, закрывая половину неба, стояла густая туча. Стаи белых птиц металась перед ней, как хлопья одуванчика».

По поводу этих белых птиц попутчик Наташи, молодой режиссер, спрашивает:

— Вы не знаете, что это за птицы?

— Не знаю, — ответила Наташа.

— Это дикие голуби, — сказал пожилой лесничий в роговых очках и улыбнулся Наташе. — Как же вы не знаете? А еще десятиклассница!

— Я горожанка, — ответила Наташа и смутилась.

Пожилой лесничий должен был бы разъяснить при этом юной горожанке, что она видит редчайшее в природе явление — стаю белых диких голубей, голубей-альбиносов. Ведь даже десятиклассницам должно быть известно, что наши обыкновенные дикие голуби (самые распространенные из них — клинтухи) имеют синеватое оперение. Возможно, конечно, что это были не дикие, а домашние голуби, но тогда, выходит, опытный лесничий попал впросак...

Второй пример. В десятом номере журнала «Октябрь» за этот год напечатана Ваша повесть «Бросок на юг», пятая по счету из автобиографического цикла «Повесть о жизни». В этой занимательной, как всегда изобилующей меткими наблюдениями, искренними лирическими признаниями и сдержанными размышлениями повести приводится цитата из Лермонтова: «Студеный ключ, играя по оврагу и погружая жизнь в какой-то смутный сон, лепечет мне таинственную сагу про мирный край, откуда льется он». Здесь любимый и Вами и мною поэт предстает в так сказать, исправленном виде. У Лермонтова эти строки выглядят так:

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то
смутный сон,

Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он...

Казалось бы, ничего не было проще: взять с полки томик Лермонтова и проверить цитату из заученного еще на школьной скамье стихотворения... Вы, дорогой Константин Георгиевич, сочли это излишним.

Я, однако, не поднял бы этого разговора, если бы дело ограничивалось так называемыми досадными недосмотрами. К сожалению, небрежность Ваша в изложении фактов, в освещении событий и в характеристиках людей приводит иногда и к гораздо более огорчительным последствиям.

Открытое письмо К. Г. Паустовскому

Максим РЫЛЬСКИЙ

В третьей книге автобиографического цикла «Повесть о жизни» — в «Начале неведомого века» — автор, рассказывая о позорных днях петлюровщины на Украине, пишет:

«Гайдамаки с длинными синевато-черными чубами — оселеддами — на бритых головах (чубы эти свешивались из-под папах) напоминали мне детство и украинский театр Саксаганского. Там почти в каждой пьесе такие же гайдамаки с подведенными синькой глазами залихватски откалывали гопака. «Гоп, куме, не журись, туды-сюды повернись!»»

Поразительно, как в этом абзаце высокодаровитый и честный советский русский писатель перекаляется с озлобленным тургеневским Пугасовым, изобретателем пресловутого «грае, грае воропае». И еще поразительнее: Константину Георгиевичу Паустовскому как будто неведомо, что Панаас Карпович Саксаганский, о котором, наряду с другими деятелями дооктябрьского украинского театра, восторженно отзывался Станиславский и многие большие мастера русской сцены, — гордость и краса украинского искусства, один из старейших сынов нашего народа! Опять-таки довольно было протянуть руку к книжной полке, чтобы прочитать в «Большой Советской Энциклопедии», что Саксаганский «был в числе первых театральных деятелей Советского Союза, удостоенных звания народного артиста СССР». О Саксаганском существует большая литература на украинском и русском языках, ему самому принадлежат очень ценные высказывания об искусстве театра и его общественной роли, собранные в книге «Думки про театр» (1955 г.). Хотя бы бегло просмотрев статьи и письма Саксаганского и работы о Саксаганском, автор мог бы узнать не без пользы для себя, что Саксаганский вместе со своими соратниками Кропивницким, Садовским, Заньковецкой, Карпенко-Карым яростно боролся и публично выступал против «гопака» и «горилки», которые культивировали безграмотные «малоросийские» антрепренеры типа Суходольского и Колесниченко, боролся и выступал за реалистический и демократический театр, являясь одним из его основоположников и ярчайших представителей. Из этой же «БСЭ» Вы, Константин Георгиевич, узнали бы, что Саксаганский блистательно исполнил роль Франца Моора в «Разбойниках» Шиллера, что он в 1925 году осуществил в украинском театре эпохальную постановку шекспировского «Отелло»! И этого-то великого артиста и замечательного передового общественного деятеля валили Вы в одну кучу с оголтелыми человеконенавистниками, пьяными петлюровскими молодчиками!

Замечу кстати, что во времена Вашего (и моего) детства и отрочества в Киеве не было постоянного театра Саксаганского, а был театр его брата Микола Карповича Садовского, тоже замечательного актера и режиссера. Перепутать Садовского с Саксаганским — все равно, что перепутать Качалова с Москвиным. Что касается исторических пьес, которые видели Вы в «театре Саксаганского», то, вероятно, это

* Между прочим, мы видим здесь то правописание, которым заставляла печатать украинские книги царская цензура. — М. Р.

были такие драмы, как «Савва Чалый», «Гандзя», «Бондаривна» Карпенко-Карого, «Богдан Хмельницкий» Старицкого... Неужели так-таки ничего, кроме гопака, Вы не заметили в этих

пьесах? Впрочем, в книге «Далекие годы» автор называет вещи, которые он на заре своей жизни видел в украинском театре: «Наташка Полтавка», «Запорожец за Дунаем» и «Шельменко-денщик». Ни в «Наташке», ни в «Шельменко-денщике» никаких «гайдамаков» совсем нет, да и содержание «Запорожца» вряд ли можно свести только к гопаку...

На той же 696-й странице «Начала неведомого века» (цитирую по изданию «Константин Паустовский. Собрание сочинений в шести томах», том третий), откуда взят этот чудовищный абзац о «гайдамаках» и «театре Саксаганского», читаем:

«В детстве мы одно время жили в Киеве рядом с домом известного «воспевателя Украины» художника Пимоненко.

Престарелый этот человек работал у себя в мастерской только по памяти. С непостижимой быстротой и небрежностью он малевал всякие красивенькие хатки, вишневые садочки, мальвы, подсолнухи и девчат в лентах от головы до пят. Потом малевал в обратном порядке — сначала девчат, потом подсолнухи, мальвы, вишневые садочки и хатки. И так без конца. Он трудился в поте лица («с непостижимой... небрежностью?» — М. Р.), создавая открыточную, сладкую, как мед, Украину. Даже нам, детям, и то пейзажи Пимоненко набили оскомину.

Петлюра пытался возродить эту слащавую Украину. Но ничего из этого, конечно, не вышло.

Я уже оставляю в стороне более чем странную оценку исторической роли Петлюры. Этот лютый враг трудового народа, выходит, всего-навсего хотел воскресить «слащавую», «открыточную» Украину! Но возвращаюсь к Пимоненко. «Начало неведомого века» написано в 1956 году, том «Собрания» Ваших сочинений, которым я пользуюсь, датирован 1957-м. Быть может, автору не было необходимости познакомиться с обстоятельной монографией о Н. К. Пимоненко (на русском языке), принадлежащей перу Я. П. Затецакого, уже вышедшей к этому времени. Но ведь все та же «Большая Советская Энциклопедия», где, кстати, помещено несколько репродукций работ Пимоненко, в том числе одна — во всю страницу — цветная (роскошь, которую позволяет себе «БСЭ» по отношению далеко не ко всем художникам!), — «Энциклопедия», называющая Пимоненко «видным украинским живописцем-реалистом», могла бы внушить автору спасительную мысль критически пересмотреть свои детские впечатления! В статье «Энциклопедии», между прочим, сказано, что этот «воспеватель Украины» «в течение многих лет был связан узами дружбы с И. Е. Репиным». А в книге «Російсько-українські мистецькі зв'язки» (Киев, 1955) можно прочитать, что великий русский художник давал несколько иную, чем Вы, Константин Георгиевич, оценку «воспевателю Украины» (слова, язвительно взятые Вами в кавычки). В день 25-летнего юбилея Пимоненко, в 1910 году, Репин прислал ему телеграмму: «Здравствуйте, живою изобразитель Украины, слава вам! Илья Репин».

Не очень осмотрительные мысли высказаны Вами и об украинском языке:

«Петлюра привез с собой так называемый галицийский язык — довольно тяжеловесный и полный заимствований из соседних языков. И блестящий, действительно жемчужный, как зубы задорных молодцов, острый, поющий, народный язык Украины отступил перед новым пришельцем в далекие шевченковские хаты и в тихие деревенские левады».

Миную некоторое свое смущение по поводу термина «шевченковские хаты», позволю себе заметить, что на «тяжеловесном галицийском языке» (разумеется, лингвистика такого языка не знает) писали, в силу исторических обстоятельств, Иван Франко и Василь Стефаник. Что же касается украинского языка вообще, то вольно автору «Повести о жизни» знать только язык «задорных молодцов» — очевидно, киевских молочниц — и оставлять без внимания, что это язык великого народа, язык чудесной литературы, представленной до Октября именами Когляревского, Квитки, Шевченко, Марко Вовчка, Панааса Мирного, Леси Украинки, Коцюбинского, язык замечательных народных дум и песен, вызывавших восхищение Пушкина, Гоголя, Добролюбова, Горького, Луначарского...

Все это очень грустно, дорогой Константин Георгиевич. Ведь я знаю, с какой любовью писали Вы биографическую повесть о Тарасе Шевченко. Я знаю, что у Вас немало друзей среди советских украинских писателей. К ним я всегда причислял и себя. Зачем же Вы позволили себе, основываясь исключительно на выбих воспоминаниях детства и «туманной юности», высказывания о деятелях украинской культуры и о языке украинского народа, которые иначе, как оскорбление, не могут быть восприняты?

29 ОКТ 1960

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ
МОСКВА